

Пришла в деревню и сообщила мужикам, которые отправили погоню за мной, в семь человек. Но я перешел поляну, доехал до утреннего следа и под прямым углом спустился обратно к реке, а преследователи побежали по хребту. Вечером поздно вернулись и на лодке переплыли на левый берег в дер. Долгоостровск. Просили у мужиков подводу для преследования. Мужики заявили, что если Вы хотите охотиться на ~~бандитов~~ников, то можете сами догонять. В это время я на правом берегу устроился в кустах, на ночлег. С утра не было крошки во рту. Утром стал пробираться через кусты, боясь напороться на засаду, а на противоположной стороне, вижу, идет лодка, вверх по Енисею. Я тороплюсь изо всех сил, чтобы они не успели переплыть на правый берег и устроить мне засаду. Сила покидает меня, страшно голоден и мучает холода. Избушках, попадающихся на пути находил заплесневевые корочки леба и немного подкрепился. Вот вдали, вижу, на берегу белеют ~~муми~~, а кто в них - неизвестно. Думаю - если русские, то убьют, унгусы, остатки может и спасут. Вижу оленьи следы, сразу обрадовался, есть где отдохнуть так как идти совершенно не могу, голоный и кое как двигаюсь. Недоходя сажень двадцать разрядил спаржаин винтовку, а патронташ и наган ~~положил~~ под гимнастерку. Кабуру гана в складку плаща завернул; подхожу к юрте, бросил винтовку и спрашиваю: "Друг дома?". Смотрю выходит здоровенный остаток, асно обросший. Прощу, чтобы дал мне поесть. Он сказал что-то чери и она начала стряпать лепешки, печь в золе костра, а хонин пошел к реке и принес две стерляди и поджарил. После еды мне вернулись прежние силы, я смог уже разговаривать и выдался за матроса с парохода "Лена". А мой собеседник говорит, русские люди плохие, друг друга за деньги могут убить и одновременно рекомендует, чтобы я не ходил в дер. Каменку, на

рвый берег, там люди плохие, а вот в Чулково люди хорошие"; мы с братом переплавим туда". Мы пошли в юрту, ужасно спать хочется, но приходится крепиться, кто его знает, что у него на уме. В чуме, на что я обратил внимание, так это идеальная чистота осуда, столешница, квашня—все промыто добела. Молодая хозяйка ккуратна, таких мало найдешь среди русских женщин. Вот подехал брат, тоже такой же великан. Быстро собрались к отплытию. в деревню. Я беру винтовку, подаю им и говорю: "Возьмите на память дете промышлять зверя". Первый говорит: "Нет не надо, а то русые увидят и скажут, что я русского убил". Плыем в деревню и на средине реки первый опять же спрашивает: "У тебя маленький зверь?" Показывает пальцем на спусковой механизм нагана. говорю: "Есть у меня только финский нож № 8, вот я его тебе и дарю". Переплыли и идем к деревне. Первый говорит: "Винтовку я несус сам". Я не стал возражать и только сказал, чтобы он завертел ее в свой халат. Идем прямо к старосте, который как раз был дома. Сдали винтовку, я отдал патроны. Староста направил свою жену, собрать мужиков, а я обдумывал как мне с наганом быть, потому что будут обыскивать. Входная дверь в дом с улицы, а вторая прямо в коридор. Во дворе стоит кадка с водой. Я это все учитывал при входе в дом. Вылез из-за стола и попросил у хозяйки ковшик воды питься. Вышел, стукнул ковшом, а сам скорей во двор и в угол, под лому сунул наган. Собрались человек 12 мужиков, обыскали меня. в кармане гимнастерки нашли пачку патронов для нагана; стали спрашивать где наган, но я сказал, что патроны нашел. Собрались те мужики, стали решать, что со мной делать. Решили отправить меня в Б-Инбатска в распоряжение урядника Дуракова. Думаю, привезут меня в дер. Искут, а там камень на шею и в воду. Стал я упрашивать, чтобы оставили меня и я буду работать за кусок хлеба. Спрашиваю: Кто возьмет?". Никто не соглашается.

Дали мне двух проводников для переправы к уряднику. Перед этим сходили в баню, сели чай пить и они опять стали меня испытывать, действительно ли я матрос и кого знаю на пароходе "Лена".

Убеждаются, что возможно я и матрос. Я еще решил раз попросить, чтобы меня не отправляли, хотя в В-Инбатск и не поехал бы. Я имел наган, а винтовку смог бы отобрать у проводников и заставил бы их везти меня не вниз по реке, а вверх. Случайно зашел паренек в дом старости, прислушался к моей просьбе и говорит, что возьмет меня к себе. Те спрашивают: "А если он убежит?, ведь ты будешь отвечать". Он говорит: "Отвечать не придется, потому что я знаю, что он никуда не убежит, раз сам пришел к нам, и зачем же мы будем направлять на изадевательскую смерть в Искуп". Народ согласился и мы пошли к нему на квартиру. Семья у них: отец 75 лет МУРЗИН Федор, брат Ефим, Николай и ^{Ташкеев} Навел, самый младший-мой спаситель. Молодежь решили поиграть в городки. Мне Навел предложил идти ложиться спать на чердаке. Вдруг, слышу на улице шум, вбегает отец и кричит: "Я до 75 лет дожил, меня никто не оскарблял, везите его, чтобы духу его не было". Я спрашиваю: "Отец, в чем дело?". Он закричал, затопал ногами: "Молчи-говорит и убирайся отсюда". На улице, оказывается, кто то посмеялся над ним, что дед Федор большевиком стал. Ему это и не понравилось. Заходит ^{Ташкеев} Навел и я прошу его, чтобы он уговорил отца. Я заявил, что никуда отсюда не пойду, пусть меня расстреляют из моей же винтовки. Он говорит: "А ты выди на улицу и заяви так всем". Тогда я выхожу и говорю: "Граждане, я ~~русский~~ солдат русской армии, два года защищал Родину, один год был в плену, бежал и потом устроился на работу в пароходство, чтобы кормить семью; и вот попал в такое положение. Я не хочу умирать позорной смертью, дайте мне винтовку, я заряду вам и вы меня пристрелите, а я все равно никуда не пойду". Тогда из толпы

вышли человек десять молодых ребят, подхватили меня на руки и понесли в избу, говорят никому не отдадим, пусть живет, давай спи солдат!. Вот как получилось удачно, даже мы с ^{Павлом} Навлём посмеялись. И я лег спать, а на следующий день утром собрались ребята, человек тридцать и спрашивают: "Где-то долго спит солдат, Яшка?". Это из сказки про Петра Великого, когда Яшка спас Петра от разбойников. Я уже не сплю, слышу разговор. Встал, умылся, бегу помочиться. Слычу шопот: "Значит не большевик". Покушали, я опять ^{ребята просят подстричь их и в том же воскресенье обрадовались.} перекрестился.

В то время, в Туруханском краю, еще не служили в армии и понятия не имели, пришлось рассказать, что за армия, для чего она существует и текущую обстановку событий; почему и за что идет борьба, чего добиваются. Разговоры такие у нас проходили каждый вечер до поздней ночи. Основным моим занятием у Мурзиных был сенокос. Косил я хорошо. Однажды ко мне обращается мужичок, который живет лучше всех и настроен тоже по особому и говорит: "Ты, парень, иди ко мне работать, косить, я буду тебе платить по 5 рублей вместо трех?". Я отвечаю: "Зачем мне деньги, завтра меня возьмут да и расстреляют и деньги не нужны будут"; меня хозяин кормит, а я ему за это работаю". Это ему не понравилось, начинает сопеть и подговаривает, чтобы меня отправили в Б-Инбатск. Я вынужден был пойти к нему поговорить: "Вот Вы обижаетесь, что я не иду к Вам косить, но я днем работаю у хозяина, а вечером могу кое-что и Вам поделать; я слесарь, могу самовар, ружье, ведро, литовку наладить, был бы только инструмент". Мужик обрадовался и говорит, что у него как раз нужда в таком человеке ^{Павлу}. Я на следующий день сказал, что я большевик, но не сказал только, что у меня есть наган. Однажды я услышал, что снизу идет катер, поплыл на лодке к нему на встречу, кричали, уговаривали, чтобы взял, но он не взял. Пришлось жить в деревне дальше.

Почва была крепка, в деревне уже поняли задачи борьбы. И вот, в один прекрасный день, завели мы с Ефимом разговор на сенокосе насчет религии, а в низовье они предпочитали иметь икону "Иннокентия Иркутского". Я стал критиковать эту икону, рассказал, как возили его мощи по населению. Он бросил работать и сказал, что теперь ясно понял, что ты большевик. Кончили мы с Павлом ^{ищем} работу, идем домой, а Ефим встречает нас и спрашивает: "Ну большевик, как дела?". Я молчу. Садимся кушать, мужиков собралась полная хата, покушал, выходит на то место, где молился и заявляю: "Больше вашему Богу не молюсь, Ефим разоблачил". Тут мужики начали хохотать, говорят, да оно и видно было, что молиться то не умеешь, то не домахнешь, то перемахнешь. Таким образом рассказал все откровенно. Народ понял обстановку. За это время я узнал подробно все, что произошло с моими товарищами. Убитым ^{Дураков М-Р} оказался только тов. Муковнин, Сухоруков ^{Саша}, Белопольский ранены и избиты дубинками. Что было с ними дальше неизвестно, если бы не приехал урядник Дураков, который боясь самосуда увез их в В-Инбатск. Они сидели там в бане целый месяц. Гобу никто не заметил, когда он спрятался за лодку в воде, а потом убежал в низовье, в В-Инбатск и сдался. Итак, приходит конец и моей жизни в Чулково-Островке. Слышу, говорят, что идет пароход ^{отец} с местными казаками. В Ворогово узнали, что в Чулково живет большевик, который агитирует народ против настоящей власти. Решили расправиться со мной на месте. Наступило воскресенье. Народ весь дома. Мы обычно собирались у ^ц магазина. Я играл на балалайке, молодежь плясала, пела. Видим показывается из-за мыса пароход. Все сразу замерли, как воды в рот набрали. За это время привыкли все ко мне, как родные стали. Старушки потихоньку вытирают слезы, затихла игра, песни. Кто-то сказал в толпе, что староста понес мою винтовку на пристань. Пароход подошел к

ристами, спустил трап. Выходят казаки, вооруженные винтовками, направляются к нам; толпа раступилась. Подошел заводской командир ДАУРЦЕВ Петр и с ним 6 казаков. Спрашивают: "Который здесь большевик?" Я поднялся с места, говорю: "Не знаю большевика или меньшевика". Задают вопрос: "Это ты убил мужика в Искуне?" Я отвечаю: "Это неважно кто убил, но они вашего друга убили". Он подскочил ко мне и спрашивает: "Кого убили?" "Сухорукова Александра" - отвечаю я. "Если они убили Сухорукова, мы в пепел превратим деревню" - сказал он, и сразу же дает команду Перепрыгину пойти со мной на квартиру, захватить вещи, а сам пошел на пароход дать распоряжение, чтобы грузили скорей дрова. Прихожу на квартиру - все плачут. Казак Перепрыгин говорит: "Не плачьте, парень будет жить". Попро-

Страница 25.

1. От слов по работе на приисках, захожу на пароход никого не вижу, проходим в корму, опускаемся в трюм, где стоит стол и чего только нет на столе, разные закуски, фрукты, вина. Перепрыгин говорит: хочешь кушать? давай заправляйся. Я говорю: можно, а то у меня кишки прополоскались молоком. Уходит Перепрыгин в деревню, где бродили все казаки. Сел за стол и чувствую, что ходят по палубе и заглядывают в трюм ребята. Бросил кушать в рот ничего не лезет, неприятно стало. Бежит Перепрыгин что-то забыл. Я спрашиваю его: можно подняться на верх у меня друзья есть на пароходе повидаться. Он разрешил.

нили, что Сухоруков живой, только ранен и находится сейчас в В-Инбатске. Да счастье ваше - сказали казаки, а то плохо было бы. Я просил казаков, чтобы Муковнина похоронили по-человечески, а то был просто завален камнями. В В-Инбатске забрали моих товарищей и поплыли дальше. Всё Монастыре нас посадили в тюрьму. В числе 48 товарищей были русские, немцы, мадьяры, тут же были и две женщины - Каурова Даша и Печерская, которые при отступлении с парохода отбились от общей массы и заблудились.

пристани, спустил трап. Выходят казаки, вооруженные винтовками, направляются к нам; толпа раступилась. Подошел заводской командир ДАУНЦЕВ Петр и с ним 6 казаков. Спрашивают: "Который здесь большевик?" Я поднялся с места, говорю: "Не знаю большевика или меньшевика". Задают вопрос: "Это ты убил мужика в Искупе?" Я отвечаю: "Это неважно кто убил, но они вашего друга убили". Он подскочил ко мне и спрашивает: "Кого убили?" "Сухорукова Александра" - отвечаю я. "Если они убили Сухорукова, мы в пепел превратим деревню" - сказал он, и сразу же дает команду Перепрыгину пойти со мной на квартиру, захватить вещи, а сам пошел на пароход дать распоряжение, чтобы грузили скорей дрова. Прихому на квартиру - все плачут. Казак Перепрыгин говорит: "Не плачьте, парень будет жить". Попрощались мы и я пошел на пароход. Команда парохода на 70% была знакома мне по работе на приисках. Зашел в каюту механика Балашевцева Андрияна, а там полно людей и речь как раз обо мне идет. Спрашивают, как мне удалось увернуться от расправы. Говорю, что простая случайность. Мне рассказывал Сухоруков, что он служил в Красноярске, в казачьем дивизионе фельдшером, пользовался уважением, авторитетом. Он сейчас в В-Инбате лежит больной после ранения. Я и воспользовался этим случаем.

Вечером нам отплыть не пришлось, благодаря туману, вышли утром. Пришли в Искуп, все казаки пошли в деревню и я с ними. Они выяснили, что Сухоруков живой, только ранен и находится сейчас в В-Инбатске. Да счастье ваше - сказали казаки, а то плохо было бы. Я просил казаков, чтобы Муковнина похоронили по-человечески, а то был просто завален камнями. В В-Инбатске забрали моих товарищей и поплыли дальше. Всё Монастыре нас посадили в тюрьму. В числе 48 товарищей были русские, немцы, мадьяры, тут же были и две женщины - Каурова Даша и Печерская, которые при отступлении с парохода отбились от общей массы и заблудились.

Проходили 28 дней без куска хлеба питались "пароходом".

2. Печорская особенно сильно переболела, Каурова молодая женщина легче перенесла.

чали работать. Зарабатывали свежую рыбку, икру, масло, сахар. Ленон часы ремонтировал, занимался гравировкой, я выполнял слесарную работу. Продуктов у нас было достаточно и женщины перешли на наше изгнание, питались и другие товарищи, особенно интернационалисты. На нас не обижались. Помню случай, как Гречова Алексея немцы хотели съесть, от голода. Они встретили его в лесу, у него было много хлеба, но он не хотел никому дать даже по маленькому кусочку. Это слишком несправедливо было для старого большевика. Он и в тюрьме получал по целым корзинам передачи, не успевал съедать, продукты портились и он их выбрасывал. Охраняла нас верная дружина из местных, а потом поставили казаков. С ними стало свободнее. Просидели мы в тюрьме 47 дней, а когда вернулся пароход "Отец" нас этапом направили до Енисейска. В Енисейске мы пробыли 16 дней, а потом на пароходе "Николай Святой" отправили в Красноярск. Надо сказать, что администрация Енисейской тюрьмы приняла нас недружелюбно. Нас посадили в пересыльную камеру №10, холода невозможная. Стали мы прыгать, чтобы согреться и, вдруг, вбегает человек шесть надзирателей с ружьями и закричали: "Что вы подняли шум такой?" Я подошел вплотную и заявил, что если вы хотите нас заморозить, то уж лучше расстреляйте, а не издевайтесь. На следующий день мне удалось связаться с женской камерой, встретился с Дашей Кауровой. Солдаты, охраняющие тюрьму были почти все из одной деревни Ольгино, односельчане Дации Кауровой. Они предложили подобрать хорошего командира для восстания, чтобы освободить заключенных из тюрьмы. Я передаю это в другие камеры. Но этого нам не пришлось довести до конца. Нас внезапно увезли на пароходе "Николай Святой" в Красноярскую тюрьму.

Прибыли мы туда 24/X-1918 года. Поместили нас в деревянные корпуса. Здесь было свободнее, чем в каменушке, особенно во время передач и свидания. Удалось постепенно запастись даже оружием, ручными гранатами, в некоторых камерах было по нагану и по две гранаты. Мы решили устроить варфаламеевскую ночь и у нас уже шла генеральная подготовка, особенно в нашем 1-м корпусе, 1-й камере. Отсюда мы видели все, что делается во дворе общего корпуса, каменушки. У нас все были разбиты на отряды и для каждого отряда выделен командир. Имелась команда "зольников", которые имели запас золы ^{на случай нападения} для охранников, отряд ударников, которые имели по кирпичу, привязанному ~~и~~ к полотенцу, для того, чтобы можно было драться одним кирпичом не выпуская его из рук, затем, группа, которая должна была выламывать окна, вытрясать солому из матрацев и устраивать пожар на улице, с одной стороны корпуса.

Ждали мы подходящего момента целый месяц. В ночное время стави-

3. Первый момент был это переживания, когда на Тасеевском фронте разбили казаков и с разбитыми лицами приехали в Красноярск, хотели устроить расправу с заключенными. Красильников подвел казаков и тюрьме, но охраняющие чехи тюрьму комендант к нам не допустил сказал: Я хозяин и безобразить вам не позволю. Будите ломиться, сейчас вызову солдат. Спустя дня два заявляется пьяная толпа офицеров человек 7 и прямо направляется на женский двор. Отбирает насильно ключи у надзирателя, ворота отомкнули и направились к баракам, где сидели женщины-коммунистки, но срочно был вызван комендант к нам из штаба, который пригнал на лошади и как раз во время. Преградил путь у дверей бандитам заявив: что я хозяин здесь, что хочу то и делаю. Был еще и такой случай когда занимали тюрьмы итальянцы

вительно на четвертый день пришел, но тов. Гущика разделила его так, что он ушел ни с чем. А Гущика Лиза-эта молодая, исключительно красивая девушка, была расстреляна спустя некоторое время. Она предпочла умереть честно, как преданная коммунистка. Обстановка у нас становилась все напряженней. Наша камера, да и ~~остальные~~ были на-чеку. Когда в военном городке вспыхнуло вос-

Прибыли мы туда 24/X-1918 года. Поместили нас в деревянные корпуса. Здесь было свободнее, чем в каменушке, особенно во время передач и свидания. Удалось постепенно запастись даже оружием, ручными гранатами, в некоторых камерах было по нагану и по две гранаты. Мы решили устроить варфаламеевскую ночь и у нас уже шла генеральная подготовка, особенно в нашем 1-м корпусе, 1-й камере. Отсюда мы видели все, что делается во дворе общего корпуса, каменушки. У нас все были разбиты на отряды и для каждого отряда выделен командир. Имелась команда "зольников", которые имели запас золы ^{на случай пожара}, отряд ударников, которые имели по кирпичу, привязанному ~~и~~ к полотенцу, для того, чтобы можно было драться одним кирпичом не выпуская его из рук, затем, группа, которая должна была выламывать окна, вытрясать солому из матрацев и устраивать пожар на улице, с одной стороны корпуса.

Ждали мы подходящего момента целый месяц. В ночное время ставили часового и дежурного. Во всех камерах ощущалась тревога.

Люди спали в одежде. На Тасеевском ^{xxx} ~~районе~~ разбили казаков, и они в Красноярске хотели устроить расправу с заключенными, но комендант никого не допустил. Однажды в женский корпус пришел итальянский офицер и предложил коммунистке Лиде ^{Гущик} поехать с ним в Италию. Она разделала его под орех: "Ты что цивилизованный свинья думаешь, что русская женщина, да еще коммунистка, променяет идею на позорную свободу, не выйдет, уходи, а то наплюю тебе в глаза!" Уходя офицер заявил: "Подумай, а я дая через три зайду". И действительно на четвертый день пришел, но тов. Гущика ^К разделала его так, что он ушел ни с чем. А Гущика Лida-эта молодая, исключительно красивая девушка, была расстреляна спустя некоторое время. Она предпочла умереть честно, как преданная коммунистка. Обстановка у нас становилась все напряженней. Наша камера, да и ~~остальные~~ были на-чеку. Когда в военном городке вспыхнуло вос-

Чем

стание 3-го полка и уже подходили к городу, часовые на горе Покровка глядели на них из тюремного окна и считали минуты. Они радовались, что мы тоже окажемся вместе с восставшими товарищами,шедшими на освобождение тюрьмы и тогда все вместе начнем громить ненавистного нам врага. Надежды наши рухнули, когда мы увидели, что цепи дрогнули и откатились обратно. Восстание провалилось, так как их не поддержали другие полки. Эта минутная наша радость и надежда на освобождение не осуществилась. Стали задумываться, что скоро придет и наш черед, возьмут и расстреляют, как первых, по списку. Эти звери перебили уже многих наших лучших товарищей, руководителей Красноярской партийной организации, отдавших свою жизнь за освобождение Родины. По дороге в тюрьму зверски убили тов. ^{ар}Муковского, Аду Лебедеву. Ежедневно из тюрьмы выводили большевиков на расстрел, другие шли по списку, в порядке очереди. Уходя на мучительную, издевательскую смерть никто не вешал головы и не просил у врага щады. Наоборот, уходя в могилу посыпали проклятия палачам народа. Когда уводили на расстрел тов. Бограда он шел по коридору тюрьмы и громким голосом прощался со всеми товарищами. В одной из камер запели интернационал. И охрана тюрьмы открыла стрельбу по окнам, из которых доносилась песня. Однажды вызывают меня в контору, к следователю. Стали допрашивать и в результате предъявили 4 статьи: увоз золота из Красноярска, расстрел двух офицеров, вооруженное сопротивление и национализирование продуктов. Спрашивают-признаю ли я себя виновным. Я отвечаю, что не только ~~ваших~~ статей не признаю, но и Вас, как власть не признаю. На этом пока и закончилось. Хотели показать, что они, как законная власть разбирают вину заключенных по закону. А в действительности было так: Розанов, когда потерпел поражение со своими бандами на фронтах /были,

Подготовка к побегу. Сидеть не хочется без дела, сложа руки, а умирать тоже не хочется, хочется жить, бороться, и вот мы стали соображать, что нам предпринять дальше. Нам приходилось за хлебом ходить в каменушку-это главный корпус тюрьмы.

Из двора пересыльной идем по главному двору мимо караульного помещения и во двор главного корпуса. Нас 12 человек, по 4 от корпуса. Ребят подобрали заранее; участвовал- я, Иванов, Сидоров, Ерлыков, ^{расп} Мартынов, ^{мертв} Солдатов, Зайцев Иван, Нетавский ^и Михаил, ^{сммк} Замшук, Карасев Сергей и еще ряд товарищей.

Был составлен план разоружения итальянского караула-75 человек. План был направлен в главный корпус тюрьмы на рассмотрение и утверждение старших товарищей. План был одобрен и направлен в городскую подпольную организацию, которая не согласилась в силу того, что на всех невозможно было достать одежду, а была уже осень, наступали холода, а народ был раздет. Так ничего и не вышло. Хотели хоть 12 человек уйти, но нельзя было уйти без жертв. А тут еще приказ Розанова мешал. Ведь не хотелось, чтобы

4. Вторая попытка наша: ¹⁰ моя, Засимука, матроса и Карасева Сережи, через уголовную на хоздворе было обнаружено под лодкой, которая была привалена к забору-подкоп, через который предполагалось уйти на волю.

через который мы хотели уйти на волю, но он оказался маловат по комплекции ^{Сим} Замшук. Пришлось отложить побег до следующего дня. Поручили товарищу из уголовного корпуса увеличить проход. На другой день, со второго этажа нашего корпуса я веду наблюдение за двором, смотрю что делается на хозяйственном дворе. А на сердце тревога, думаю удастся или нет. Часов в одиннадцать мы должны были нести белье в прачечную для стирки. В этот момент ^{было привлечено из оружия обий начин прачечной и консек} я и решил незаметно отделиться к проходу. И вот к нашему разочарованию, часов в 10, старший хозяйственник ведет 5 человек уго-

Подготовка к побегу. Сидеть не хочется без дела, сложа руки, а умирать тоже не хочется, хочется жить, бороться, и вот мы стали соображать, что нам предпринять дальше. Нам приходилось за хлебом ходить в каменушку — это главный корпус тюрьмы.

Из двора пересыльной идем по главному двору мимо караульного помещения и во двор главного корпуса. Нас 12 человек, по 4 от корпуса. Ребят подобрали заранее; участвовал — я, Иванов, Сидоров, Ерлыков, Мартынов, Солдатов, Зайцев Иван, Нетавский Михаил, ~~Замануха~~, Карасев Сергей и еще ряд товарищей.

Был составлен план разоружения итальянского караула — 75 человек.

План был направлен в главный корпус тюрьмы на рассмотрение и утверждение старших товарищев. План был одобрен и направлен в городскую подпольную организацию, которая не согласилась в силу того, что на всех невозможно было достать одежду, а была уже осень, наступали холода, а народ был раздет. Так ничего и не вышло. Хотели хоть 12 человек уйти, но нельзя было уйти без жертв. А тут еще приказ Розанова мешал. Ведь не хотелось, чтобы самому уйти, а за меня бы 10 человек товарищев расстреляли.

Это было бы нечестно, не по-товарищески. Случайно, на хозяйственном дворе, под лодкой, лежащей у забора, был обнаружен подкоп, через который мы хотели уйти на волю, но он оказался маловат по комплекции ~~Замануха~~. Пришлось отложить побег до следующего дня. Поручили товарищу из уголовного корпуса увеличить проход. На другой день, со второго этажа нашего корпуса я веду наблюдение за двором, смотрю что делается на хозяйственном дворе. А на сердце тревога, думаю удастся или нет. Часов в одиннадцать мы должны были нести белье в прачечную для стирки. В этот момент ^{было приготовлено из оружия один наимен прачечной и консей} я и решил незаметно отделиться к проходу. И вот к нашему разочарованию, часов в 10, старший хозяйственник ведет 5 человек уго-

ловных к лодке и ломают ее для изъятия гвоздей на постройку новой лодки. Хозяйственник замечает подкоп. И на этот раз счастье нам не улыбнулось. Последней попыткой моей было-это уйти одному. Работая в мастерской, во время прогулки, я заносил доски для щеток на 2-й этаж. Случайно, доской я уперся в потолок и обнаружил западню, как раз в углу: с одной стороны дверь в уборную, а с другой окно с решеткой, которая послужила мне лестницей на чердак. В камере ни души, все гуляют во дворе. Я бросил тесину и моментально забрался на чердак. Когда забрался и к моей неожиданности там оказалась масса голубей, которые при моем появлении подняли страшный шум, кричат, вылетают через окно. Когда все улетели я поглядел в щель на часового, а он стоит, винтовка наизготове. Я снял френчи, повесил против окна, чтобы голуби не залетали больше на чердак. Сии действительно больше не появлялись. Я начал подготавливаться к побегу. Вот что я сделал: оковал штыковую часть ^{ножами} железом, достал шпагату у ребят, которые вяжут сети, сделал деревянную лопатку, сплел веревку метров десять, достал на ходворе хороший нож и постепенно, в моменты прогулок прорезал в досках дыру, чтобы можно было пролезть. В ночное время дверь в нашу камеру не закрывалась на ключ, так что на чердак можно было попасть в любую минуту. Я ждал только дождливой ночи, для того, чтобы дежурные надзиратели ушли за первый корпус, в будку и, тогда путь свободен: спуститься с корпуса лобовой части и за гончарку, а там под забором подкоп и общий двор, затем в военные склады, которые пустовали в то время. Как назло погода стоит хорошая, надзиратели по ночам играют в пешки на лавочке, а я проглядывал глаза целыми ночами, думая не уйдут ли куда. Вот наступил и октябрь. Вдруг, команда-собирается. Отобрали на выбор и погнали, а куда

не знаем. Оказалось, что в каменный корпус. Затем узнаем, что в "эшелоне смерти" отправят на ~~исток~~ восток. Что же представляли из себя эшелоны смерти, откуда появилось такое название? Начиная от Челябинска, Екатеринбурга, Омска, Новосибирска, колчаком направлялись "эшелоны смерти", с большевиками, военно-пленными красноармейцами, красногвардейцами. Эшелоны эти направляли на Восток, при отступлении. Вагоны до отказа были набиты больными и голодными людьми. В вагонах свирепствовал тиф, косил людей наповал. Некоторые эшелоны спускали под откос, загоняли в тупик на станции и там расстреливали из пулеметов, прямо сквозь вагоны. До места назначения доезжало очень мало людей.

24. X-1919 г. Мы в "эшелоне смерти."

В этот день раздалась команда местной тюремной охраны-собираясь и строится во дворе. Начался обыск вещей и нас самих. Нас принимал конвой, который должен был сопровождать. Начальник конвоя Заруба, поручик, левый эссе^р. От тюрьмы до вокзала вели под усиленным караулом. Сзади шли родные и знакомые. Близко не допускали, передачи передавать не разрешали. Посадили в вагоны и поезд тронулся в путь. Настроение было у всех безразличное. При остановке, на станциях, рабочие передавали передачи, кто что мог. И это уже нас намного ободряло, поднимало дух при мысли, что мы не одни, что о нас думают. Доехали до Иркутска. Здесь снабжение вагонов было организовано Иркутской подпольной партийной организацией. Нам, на каждый вагон давали хлеб, рыбу, сахар и денег по 250 рублей. Сколько было радости, и не столько о передачах, сколько о том, что о нас заботятся. Кроме того о нас заботился ~~и~~ начальник конвоя; мы уже два раза получали горячий обед- в Кинске и в Иркутске. Это давало надежду, что мы будем жить. Нас только беспокоило то, что этот конвой

сопровождает нас только до Читы, а там уже будет конвой Семенова. Это уже не предвещало ничего хорошего. В Читу приехали вечером. Настроение у всех подавляющее, ждем, что что-то будет. Переочевали. Утром, часов в 10 подошел паровоз и нас направили на 2-ю Читу. Там два вагона высадили, где в основном сидели красные офицеры. Через некоторое время нас опять повезли на первую Читу, загнали в тупик. И вот приезжают два ~~полка~~ "семеновский" палачей, под командой разжалованного офицера ^{Костомарова}. Начали с первого вагона

5. В одном вагоне скомандовали: в одну сторону вагона, люди бежали и пролили парашу и как раз краине стояли к нему Сидоров Володя, Ронс Иван Иванович, вот сам начальник напал на них, бьет и заставляет собирать ртом человеческое кало ^{был} до тех пор пока Сидоров собирал руками, а остальным всыпал.

к бандиту и кричит: "Ну убивайте же лучше, изверги!". А он говорит: "Нет, убивать еще рано, успеем." Дошла и до меня очередь. Я соскакиваю с нар, подхожу к нему вплотную и смотрю, как затравленный зверь. Он делает шаг назад, размахивается наганом и говорит "Эх, солдат, бравый", и ударяет по щеке курком; просек щеку, выбил два зуба, которые я с кровью выплюнул прямо ему в рожу. Я готов был вцепиться ему в горло. Он командует: "Кыш под нарны". А там уже полно. Тогда я стал на нарны, на колени. Он увидел, что я босиком, да как резанет нагайкой по ногам. Я закрываю глаза, чтобы он их не выхлестнул, а он бьет нагайкой куда попало.

Таким образом из пятисот человек ни один не увернулся, каждому досталось, на всех хватило энергии, ведь у палача рука набитая.

сопровождает нас только до Читы, а там уже будет конвой Семенова. Это уже не предвещало ничего хорошего. В Читу приехали вечером. Настроение у всех подавляющее, ждем, что что-то будет. Переночевали. Утром, часов в 10 подошел паровоз и нас направили на 2-ю Читу. Там два вагона высадили, где в основном сидели красные офицеры. Через некоторое время нас опять повезли на первую Читу, загнали в тупик. И вот приезжают два ~~полка~~ "семеновский" палачей, под командой разжалованного офицера. Начали с первого вагона ^{Касимазова} ~~Саша начальник торжественно, аудиенция стреки бывшими приказчиками~~ раздевать, а потом пороли. И так переходили из вагона в вагон. Начальник нашего конвоя ходит сам не свой. Конвойные потихоньку передавали в каждый очередной вагон заранее, чтобы готовились, т.е. раздевались, а то бьют еще хуже, пока снимаешь с себя верхнюю одежду. Вот дошла очередь и до нашего вагона. Зашел главарь и начали пропускать по одному. Я остался последним, наблюдаю, от злобы глаза наливаются кровью. Так и подмывает меня кинуться на палача и вцепиться ему в горло. Особенно сильно издевались над Сашкой ^{Лейбренко} Хемич, который, наконец, не выдержал, подскочил к бандиту и кричит: "Ну убивайте же лучше, изверги!". А он говорит: "Нет, убивать еще рано, успеем." Дошла и до меня очередь. Я соскакиваю с нар, подхожу к нему вплотную и смотрю, как затравленный зверь. Он делает шаг назад, размахивается наганом и говорит "Эх, солдат, бравый", и ударяет по щеке курком; просек щеку, выбил два зуба, которые я с кровью выплюнул прямо ему в рожу. Я готов был вцепиться ему в горло. Он командует: "Кыш под нары". А там уже полно. Тогда я стал на нары, на колени. Он увидел, что я босиком, да как резанет нагайкой по ногам. Я закрываю глаза, чтобы он их не выхлестнул, а он бьет нагайкой куда попало. Таким образом ~~Чтв~~ пятисот человек ни один не увернулся, каждому досталось, на всех хватило энергии, ведь у палача рука набита.

Вот так нас встретил Семенов. Но мы радовались тому, что дальше нас сопровождал Красноярский конвой. Поехали дальше. Под "езжим" к Андриановскому раз "езды", а нам навстречу идет почтовый поезд № 3. Какой-то тип высунулся из окна и кричит: "Ну, сволочи, только до Андриановки доедете, а там Вам капут". Услышал это наш начальник, снял часовых и предупреждает нас: "Когда приедем на станцию, чтобы духу вашего не было слышно". Окна закрыли люками. Едем дальше. Вот и Андриановка; на станции играет оркестр казаки пьяные пляшут. Их посыпали для борьбы с партизанами. Подходит пьяный казак к часовому и спрашивает: "Что везешь?". Часовой отвечает, что военный груз. Казак и говорит: "А мы думали, что красноштанную сволочь, хотели руки поразвить". И вот все сидят в напряженном состоянии, боятся даже дышать; думаем, что как узнают, тогда нам крышка. Сердце ноет, ведь как обидно умирать такой смертью, при полной беспомощности. Был у нас один товарищ из Белоруссии; он прошел длинный тернистый путь: был на австрийском фронте, на германском, на Украине во время оккупации, побывал в застенках у белых банд. И вот он лазит в темноте и шепчет: "Давайте, товарищи, прощаться. Мы его ругаем: "Иди ты к чорту вместе со своим прощанием!" А он все свое. И вот подошел паровоз, все просияли, а он пошел не вперед, а назад. Потом, слышим, что вагоны катятся произвольно; значит в тупик гонят, сейчас начнется расправа. Потом слышим, подошел паровоз и потащил вперед, а с заднего конца толкач, потому что впереди Яблоновский хребет, а без толкача никак нельзя. Отходный свисток и нас потащили. Значит еще живем!. Вот и Дауря. Окна вагонов открыты. Смотрим и видим жуткую картину: на подступах и окраине Даурии валяются трупы, на столбах и воротах также трупы. Это следы недавней расправы. На станции поезд наш остановился и,

смотрим, идут к нам со всех концов замазанные железнодорожные рабочие, в руках каждого то сайка, то сушка, то рыба. Просят, со слезами на глазах, конвоиров передать. Конвойный не отказывался, если поблизости не видно было ~~и~~ постороннего офицера. Какое нужно иметь сердце, чтобы принять эту скромную передачу от исхудавшего, бледного и голодного рабочего.

Едем дальше, а куда не знаем. Конвой тоже не знает. Вначале говорили, что в Никольск-Уссурийск, а когда стали подходить ближе, то сказали, что есть указ доставить нас в г. Иман Приморской области, в распоряжение казачьего штаба, полковника Ширяева, ^{как исковечек} армии. Дальше ехали тихо и спокойно. Начальник кормит хорошо; 11 горячих обедов получили за всю дорогу, только из-за холода плохо, так как одежда на нас была вся изорванная, одни лохмотья. Спали вповалку, чтобы теплее было. В город Иман пришли вечером. Нас приняли от сопровождающего конвоя, построили, окружили двумя цепями пеших и цепью конных казаков и погнали в графский поселок. Грязь по-колено, замершая, а мы босиком. Идти не можем, а конвой

6. уже сняли одного старичка, юриста Перфильева, но задние конвоиры заметили в грязи человека, из последнего ряда берут четверых: матроса Засимука, Гудзик, Стережкина, Солдатова Ивана Ивановича, кто шепчет, что этих расстреляют, а потом у ворот видим тащат человека, но кто не узнать, весь в грязи, а утром он обсох, грязь по кулаку на волосах и бороде. Переночевали утром привели себя в порядок. но Вас обманули большевики и пошли Вы по неправильному пути. Я предлагаю Вам вступить в нашу Армию и искупить свою вину перед Родиной. Кто желает, шаг вперед! ". Никто не тронулся с места. Предупредил, что бы мы подумали, обещал зайти через два дня. Через два дня опять приходит. Построили. Агитации больше не было, а сразу вопрос: " Ну кто пойдет в нашу армию? Шаг вперед! ".

смотрим, идут к нам со всех концов замазанные железнодорожные рабочие, в руках каждого то сайка, то сушка, то рыба. Просят, со слезами на глазах, конвоиров передать. Конвойный не отказывался, если поблизости не видно было ~~иных~~ постороннего офицера. Какое нужно иметь сердце, чтобы принять эту скромную передачу от исхудавшего, бледного и голодного рабочего.

Едем дальше, а куда не знаем. Конвой тоже не знает. Вначале говорили, что в Никольск-Уссурийск, а когда стали подходить ближе, то сказали, что есть указ доставить нас в г. Иман Приморской области, в распоряжение казачьего штаба, полковника Ширяева, ^{Камчатской армии}. Дальше ехали тихо и спокойно. Начальник кормит хорошо; 11 горячих обедов получили за всю дорогу, только из-за холода плохо, так как одежда на нас была вся изорванная, одни лохмотья. Спали вповалку, чтобы теплее было. В город Иман пришли вечером. Нас приняли от сопровождающего конвоя, построили, окружили двумя цепями пеших и цепью конных казаков и согнали в графский поселок. Грязь по колено, замершая, а мы босиком. Идти не можем, а конвой подгоняет, штыками упирается в спину задних. Подходим к баракам. Переночевали. В графских лагерях мы были не одни; со ~~всех~~ концов согнали сюда тысяч 18 народу. Свирипствовал тиф, каждую ночь хоронили по 10-12 человек. Часов в 10 утра приходит начальство, во главе с полковником Ширяевым, построили нас и Ширяев стал говорить речь: "Вот смотрю я на Вас, вижу, что неплохие вы люди, но Вас обманули большевики и пошли Вы по неправильному пути. Я предлагаю Вам вступить в нашу Армию и искупить свою вину перед Родиной. Кто желает, шаг вперед!". Никто не тронулся с места. Предупредил, что бы мы подумали, обещал зайти через два дня. Через два дня опять приходит. Построили. Агитации больше не было, а сразу вопрос: "Ну кто пойдет в нашу армию? Шаг вперед!".